

*Посвящается Элли Роуз,
сладко посапывающей ранним утром
во время творческих порывов своего папочки.*

ПР⊕Λ⊕Г

НЕБЕСА

С незапамятных времен силы света и тьмы не могли вырваться из порочного круга Вечного Противостояния.

На протяжении многих веков бушевали наши сражения, подобно пламени, что вспыхивает от малейшей искры. Всякий раз, когда ангелам удавалось одолеть силы тьмы, зло непременно возвращалось, становясь сильнее прежнего. И вот наконец настал тот час, когда хранители света и правители Небес одержали окончательную победу.

На пороге Конца Дней наша глупая гордыня ослепила нас. В облике ребенка Дьябло возродился из пепла и через Санктуарий попытался разрушить Алмазные Врата. Он был в шаге от победы, ведь ему почти удалось достичь Хрустальной Арки, источника силы ангелов.

Но вмешались люди.

Лишь одна смертная душа выступила против разрушения двух миров. Безграничное мужество нефалема придало всем нам силы, переломило ход судьбы и низ-

вергло Дьябло, тем самым даруя спасение Санктуарию и Небесам.

Но тьма так просто не отступится. Мы вновь слишком рано заявили о своей победе.

Единое Зло низвергнуто.

Но существуют и другие силы, стремящиеся уничтожить мир людей.

С высоты птичьего полета город казался чередой горных вершин, покрытых серебром и скрывающихся в густых облаках тумана. Его размеры были столь впечатляющими, что простой человек вряд ли смог бы даже вообразить нечто подобное. В центре, возвышаясь над всем прочим, виднелась сияющая башня, увенчанная многогранной аркой и сверкающая, словно ограненный бриллиант. Небесный свет ласкал ее стены и подобно огненным крыльям окутывал все вокруг, ослепительно мерцая и согревая тьму.

Серебряный город.

Архангел Мудрости лишь недавно осознал, что *в обители ангелов нет кроватей.*

Лишь когда тепло и свет, проникнув внутрь комнаты через парящую арку, вдохнули жизнь в огромный зал, Тираэль оторвал усталый взгляд от того места, где на пергаменте лежало перо. Пока в его груди не поселилась смертная душа, сон ему не требовался. Теперь же постоянный свет, пронизывающий Небеса, нарушал его внутренние часы, и архангел остро чувствовал желание положить голову на нечто более мягкое, чем каменный пол этих залов. Но ему только предстояло придумать нечто более удобное. Потеря крыльев и так дала

его братьям достаточно поводов выискивать его слабости, и он не намерен давать им еще один.

Тиразель размял затекшие пальцы. Он делал свои собственные заметки поверх жутких каракулей Декарда, но на сегодня с него явно достаточно, даже несмотря на то, что архангел обещал Декарду и Лии закончить то, что они начали. И все же он не мог заставить себя закрыть глаза. *Сейчас не время.* Ему было над чем поразмыслить, помимо несовершенства своего смертного тела. К примеру, о постоянных разногласиях с Империей и Советом. О роли людей в вершении их судеб. И о судьбе самого Санктуария.

И прежде всего о той, казалось бы, уже совершенно безвредной реликвии, что хранилась в их обители, но чье влияние черной смолой расплзлось по священной земле.

Архангел покинул свои покои и пошел вдоль пустынных комнат и коридоров, что складывались в Палаты Правосудия и образовывали Круг Правосудия. Его шаги эхом отражались от нескончаемых плит из полированного камня. В качестве смертного ему было трудно принять окружающее пространство. Здесь он провел бесчисленные тысячелетия, но теперь все виделось в ином свете. Каждое помещение было грандиознее предыдущего, над головой парили остроконечные арки и замысловатые резные своды, пучковые колонны простирались далеко за горизонт, свет отражался от бесчисленных хрустальных граней и, хаотично перемещаясь, переливался всеми цветами радуги.

Когда ангелы находились здесь, их песни сливались с Аркой и образовывали идеальную гармонию света и звука. Но сейчас зал Справедливости пустовал, его

просторные дворы и скамейки были безмолвны и холодны, а музыка Небес — мягкой и приглушенной.

Архангел почувствовал странную боль в груди. Он тосковал по былым временам. И хотя ангелы по-прежнему приходили сюда со своими разногласиями, бывшая обитель Тираэля так и оставалась практически незанятой после его ухода. Воин света, Защитник Арки, обосновался с Империем в Залах Доблести.

«Мне следует убраться отсюда, — подумал Тираэль. — Это лишь отголоски прежнего меня, который никогда не вернется». И все же он не мог. С исчезновением Малтаэля обитель Мудрости тоже опустела, и Ангирскому совету пришлось несладко. Тираэль собирался взять на себя эту ношу и помочь в принятии сложных решений, с которыми предстоит столкнуться Совету. Но заводи, наполняющие это место, казались ему чужими и вызывали тревогу, а песни Чалад'ар не находили отклика в сердце архангела. Легендарный сосуд требовал особых способностей, и Тираэль не был уверен, что обладает таковыми.

Он почувствовал боль в спине и покалывание в колене. Его физическая оболочка уже начала разрушаться, медленно унося архангела в могилу, где предстоит очутиться каждому смертному. В глубине души он был уверен, что сделал правильный выбор. *И все же он по-прежнему сомневался в себе.*

Как архангелу примириться с человеческой хрупкостью? Как он сможет противостоять тьме, если его тело столь уязвимо? Был бы он более подготовленным, если бы сделал иной выбор?

Суды Справедливости уступили место атриуму, что теперь возвышался над его головой. За другой аркой раскинулось плато из камня и хрусталя, расписанное

замысловатыми волнистыми узорами. Зал Ангирского совета. Тираэль увидел троны, на которых сидели архангелы, вынося решения. Комната была пуста, и свет, который раньше проникал через арочные окна, здесь, как ни странно, отсутствовал.

Черный камень души покоился на своем постаменте, словно ожидая его прибытия.

Острые грани камня тянулись из основания, словно почерневшие когти. Он был чуть больше человеческого черепа. Как такая небольшая вещь могла вмещать столь ужасную тьму?

Тираэль медленно приближался к камню, который одновременно зачаровывал и отталкивал. По телу пробежал знакомый холодок, похожий на страх смертельного ранения. Кровавый свет, исходивший от Черного камня души, погас после падения Дьябло, и камень был изъят с нижних ярусов Небес. Однако сейчас Тираэлю почудилось, что он увидел в темных глубинах странный блеск.

— Стой!

Архангел протянул руку к камню, однако тут же отдернул ее и обернулся на голос.

Балзаэль стоял в арке, ведущей в комнату, его внушительная фигура частично пряталась в тени. Правая рука Империя. Воин света шагнул на платформу и расправил свои великолепные крылья, мгновенно устремившиеся ввысь вихрем света. Доспехи Балзаэля сияли золотом, а на груди был выбит символ его звания.

— Что Мудрость делает здесь в одиночку?

Тираэлю показалось, или название его нового назначения было произнесено с насмешкой?

— Это тебя не касается, Балзаэль. Я хожу там, где мне угодно. Или Империй послал тебя следить за мной?

— Я охраняю камень, — ответил Балзаэль. — Такую задачу поставили передо мной в числе прочих.

— То есть это не единственный приказ, отданный тебе Архангелом Доблести, так ведь? Он не доверяет собственному брату?

— Смертные души легко развратить.

От подобной наглости воина сердце Тираэля забилося быстрее. Подтекст был ясен: у Балзаэля есть крылья, а у Тираэля нет, и потому он теперь ниже по положению.

— Гордыня ангелов делает их слепыми, — проговорил архангел. — Нет так давно я отдавал тебе приказы. Или ты уже позабыл?

Вместо того чтобы отступить, Балзаэль сделал шаг вперед.

— Из твоих уроков я хорошо усвоил, когда стоит проявить бдительность.

Рука Балзаэля едва уловимо потянулась к мечу. Этот посыл был предельно ясен. Столь дерзкий вызов привел Тираэля в ярость, он тоже шагнул вперед, расправив плечи и готовый в ту же секунду выхватить висевший на поясе Эл'друин. Однако он осознавал предел своих возможностей: несмотря на немалый боевой опыт, он уже не так силен, как тогда, когда был бессмертным.

На краткий миг Тираэль поверил, что Балзаэль схватится за оружие. Внезапно вход в зал озарил свет. Архангел Надежды предстала перед ними и, казалось, мгновенно оценив ситуацию, сделала шаг вперед.

— Оставь нас, — обратилась она к Балзаэлю. — Мы скоро встретимся.

— У меня нет сведений о подобном...

— Ангирский совет не обязан уведомлять тебя обо всем! — отрезала Ауриэль. Свет вокруг нее изменился, пульсируя подобно сердцебиению. Она нечасто бывала

столь категоричной, и теперь ее слова возымели нужный эффект. — Я прослежу за камнем. А теперь ступай.

Поколебавшись, Балзаэль слегка поклонился.

— Как пожелаете, — сказал он, а затем развернулся и исчез в арке, унося свой свет во тьму.

Ауриэль и Тираэль остались наедине. Спустя пару мгновений она обернулась к нему.

— Он стал высокомерным после того, как продвинулся по службе.

— Храбрость и высокомерие — близкие родственники, — ответил Тираэль. — Он проявил чудеса героизма в борьбе с Единым Злом и отправил обратно в Преисподнюю больше демонов, чем кто бы то ни было. Империй сделал верный выбор. На его месте я бы поступил так же.

— Возможно. — Свет, исходивший от Ауриэль, стал мягче и теплее. — Я полагаю, ты явился на заседание, хотя Совет и не объявлял о собрании. Ты выглядишь... уставшим, брат мой. Не можешь уснуть?

— Если бы я только мог вообще обходиться без сна!

— Увы, ты не можешь, — произнесла Ауриэль. — Я чувствую твою внутреннюю борьбу. Это и привело меня сюда из садов. Балзаэль, он... — она провела рукой, будто отбрасывая подобные мысли. — Небеса — не то место, где прощение дается легко и все умеют выражать чувства. Ангелы могут не согласиться с тем, что ты сделал, Тираэль, но это не делает твой выбор менее значимым.

Ауриэль сняла Аль'маиш, Нить Надежды, и представала перед архангелом самым воплощением света, облаченная в ниспадающие одежды и доспехи, покрывавшие все ее тело до самых кончиков пальцев. Когда она на-

кинула нить на плечо Тираэля, смертное тело окутало тепло, несущее спокойствие и благополучие.

Время словно остановилось, когда нить обернулась вокруг него. Затем Ауриэль сняла ее и тепло исчезло.

— Ты обеспокоен, — сказала она спустя некоторое время. — Из-за меня?

— Ни в коем случае, — ответил Тираэль, изо всех сил стараясь оставаться бесстрастным, как и подобает архангелу.

Он просто не мог рассказать ей правду. Каждую ночь, засыпая, он, как и все смертные, видел сны: не видения ангелов, а нечто более захватывающее, динамичное, переносящее его в те места, где он никогда прежде не бывал. Поначалу эти сны были наполнены радостью — он видел пейзажи Небес и картины их прежнего бессмертного существования. Но одна ночь сменялась другой, и сны тоже стали меняться. Сияющий свет и музыка в них становились все более мрачными и зловещими. Тираэлю снилось, что его преследует какая-то ледяная и безжалостная тень, сжимающая тело так, что замирает сердце, и он не в силах убежать. В его снах были человеческие города, целиком стертые с лица земли, крики предсмертной агонии людей, чьи тела разрывало на куски. Снились обрушившиеся здания и даже сам мир — расколотый и обращенный в пыль.

Ауриэль не в силах понять эти сны. Отныне Тираэль смертный, и пропасть между ними слишком велика. И все же смертные слабости привели Архангела Мудрости к знанию, которым не обладал Ангирский совет. Гордыня собратьев не позволяла им почувствовать опасность, с которой они теперь столкнулись.

Ауриэль вернула Аль'маиш обратно на шею и нить света вновь стала с ней единым целым.

— Ты — Мудрость, — сказала она. — И тем не менее ты не отдыхаешь в тени заводей. Ты по-прежнему не принял эту роль. Твое руководство поможет нам в правлении Небесами, если ты все же решишься.

— И если Совет будет готов меня слушать.

— Остальные замечают твое беспокойство, — произнесла она. — Они не могут понять, почему ты сбросил крылья. Если ты знаешь, кому принадлежит твоя преданность...

— А как насчет того, что я обещал построить между ангелами и людьми? Много веков назад наши голоса спасли Санктуарий от уничтожения. Людям есть что нам предложить. Без нефалема Единое Зло разрушило бы Арку, и Небеса лежали бы в руинах!

— Да, но без участия людей это не было бы создано, — сказала Ауриэль, указывая на камень, продолжающий лежать на постаменте. — Совет обсудит это, Тираэль, в более подходящем для подобных обсуждений месте.

— Эти обсуждения ничего не изменят, — ответил Тираэль. — Империй не станет сдавать позиций. Я верю, что Итираэль также проголосует против сохранения Санктуария. Это не то будущее, что я желал для нас, сестра. Вместе ангелы и люди смогут навсегда свергнуть тьму.

Она повернулась, словно намеревалась уйти, но Тираэль преградил ей дорогу.

— Решение останется за нами. Встанешь ли ты рядом со мной так же, как прежде?

Совет не одобрял подобных разговоров за пределами официальных заседаний, и Ауриэль промолчала. Тираэль как никогда отчетливо почувствовал холодность и жесткость в ее поведении. Прежде Ауриэль всегда